

ГОРЯЧИХ

ИЛЬЯ

Особенности национальной Рейнкаррации

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Чрезмерное употребление алкоголя вредит вашему здоровью

Илья Горячих

Особенности национальной реинкарнации

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70335178

SelfPub; 2025

ISBN 978-5-532-89900-1

Аннотация

Базовой потребностью любого здравомыслящего существа является потребность в справедливости и добре. Но в условиях, которые существуют в некоторых уголках Вселенной, добро и справедливость приходится защищать кулаками.

Содержание

Часть первая. Вознесение	5
Часть вторая. Куб	40
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Илья Горячих

Особенности национальной

реинкарнации

Посвящается памяти боевого товарища
Назарова Алексея Александровича

Часть первая. Вознесение

Ранним утром 24 сентября 2042 года два джентльмена с определенным местом жительства возвращались домой с добычей. Место жительства джентльменов было более чем определено – это открытый участок теплотрассы в районе города Москвы под названием Бирюлево. Это и был их, что называется, дом родной. И не только их. Благодаря неустанной и круглосуточной заботе чуткой родины, социальная поддержка населения достигла невиданных высот. А началось это еще в 2000-х, правда, началось робко и как бы нехотя. Сначала разрешили народу собирать валежник, народ вздохнул с облегчением – сейчас заживем! Дальше больше – заботливая родина в лице Главного по заботе о населении разрешила выращивать на приусадебных участках кур и кроликов... Ну а по прошествии четырех десятков лет такие указы, как «О разрешении населению использовать открытые участки теплотрасс для мест проживания» или «О разрешении населению использовать в пищу мелких городских грызунов и птиц», воспринимались этим самым населением уже вполне обыденно.

Звали этих джентльменов тоже вполне обыденно для наступившей эпохи процветания – Беляш и Тузик. Вернее, звали их в былые времена несколько по-другому, но прошедшие реформы, подошедшие к концу природные ресурсы необъ-

ятной некогда родины, а также личное участие Главного по заботе полностью искоренило потребности в произнесении длинных и никому не нужных имен. Простота содержания легко и ненавязчиво вылилась в простоту формы. Действительно, кому какое дело, что в далеком теперь уже прошлом, два специалиста трудились в крупном холдинге, занимали не самые кислые посты и даже в кошмарном сне не могли себе представить, что обретут место жительства в виде тепло-трассы и погоняла Тузик и Беляш.

Так вот, возвращались наши джентльмены с добычей, а именно со свежеполученной от ПФР пенсией к себе в жилище. Тут, возможно, у пытливого читателя возникнет вопрос, зачем же, получив пенсию, спешить домой – не прекрасней ли зайти со свежей, только что полученной пенсией в магазин, купить еды, выпивки и вообще всего, чего пожелает душа, в рамках, конечно, остатка от потраченных на еду денег. Но тут должен сообщить читателю, что в то время дело с получением и расходованием пенсий населением по прямому назначению – то есть на еду, обстояло совершенно по-новаторски. Очередная гениальная реформа Главного заключалась в том, чтобы уйти от выплаты пенсий в деньгах и прийти к выплате пенсий продуктами питания. Как в свое время так называемые молодые реформаторы предлагали монетизацию льгот, так совершенно естественно Главный волевым решением провел демонетизацию льгот населения и перевел выплату всех социальных льгот, дотаций, пенсий, а также ма-

теринского капитала в натуральную величину, а именно – в продукты. А поскольку закрома родины во время столь новаторских реформ заметно поистожились, и выдавать продукты гражданам в виде продуктовых наборов прошлых времен возможности уже не стало, было принято оригинальное решение выдавать эти самые продукты с мусорных баков крупных и не очень супермаркетов, естественно, в порядке очереди, под расписку и строго не более пяти килограммов в одни руки, проще говоря, с помойки. Дело возглавил ПФР. Но поскольку никаких денег в этом, да и в любом другом фонде давно уже не осталось, фонд вместо Пенсионного был особым указом Главного переименован в Помоечный и сразу же приступил к выполнению своих обязанностей. Выглядело это так. Рано утром к задним дворам магазинов, участвовавших в программе, подъезжал большой черный автомобиль ПФР (аббревиатура осталась прежней, но смысл заиграл новыми красками), из которого вальяжно выходил чиновник фонда и нехотя открывал багажник. Далее открывались двери магазина, и мятые грузчики вывозили пенсионный актив. Чиновник лениво и брезгливо осматривал поддоны, выбирал наиболее подходящее, по его мнению, и перекидывал в багажник авто. Закончив процедуру, которая по-научному называлась «отчисления граждан в ПФР», а по-народному «грабеж», чиновник так же нехотя и лениво закрывал багажник и командовал грузчикам: «Выноси!». Грузчики выносили из магазина огромные – где они их только нашли – весы с

трясущейся стрелкой и ржавыми гирями, и таинство начиналось. К моменту выноса весов, как правило, к задворкам магазина уже тулилась огромная очередь. Пенсионеры, инвалиды, беременные, старухи, сироты и прочие категории граждан, имеющие право на «пенсию и пособие», стояли плотным рядом, ругались, плевались и поминутно вспоминали Главного и его родственников по материнской линии.

Но у Беляша с Тузиком эти хлопоты были уже давно позади. А впереди был чудный завтрак, обсуждение последних политических и экономических событий, как в их собственной жизни, так и в целом – стране и мире, и, конечно же, заслуженный отдых: получение пенсии штука – утомляющая, требующая хорошей физической подготовки и навыков ведения ближнего боя.

Расположились, как обычно, перед теплотрассой на специально отведенной площадке. За этим строго следили местные пожарники и очень радовались новичкам, то есть тем, кто только был выселен банком из ипотечной квартиры за долги и попал под программу «Босой семье – доступное жилье». Новички обычно громко возмущались теми двумя погонными метрами теплотрассы на человека, которые заботливое государство предоставило взамен отобранных квартир, и часто нарушали правила, в том числе и пожарной безопасности, – начинали жечь костры, готовить еду, а также курить в тех местах, где им приспичило. Радостные пожарники сидели в засаде и выслеживали зорким глазом нович-

ков – штрафы за это дело были немалые. Впрочем, как и за все остальное. Беляш с Тузиком новичками не были, однако попасть под раздачу пожарных им в этот день было все-таки суждено...

Тузик начал ревизию свежеполученной «пенсии», а Беляш возился с костром. Специально отведенное место для приготовления еды представляло из себя яму глубиной около полуметра и метр в диаметре. По бокам друг напротив друга по краям ямы были воткнуты две рогатины и на них кинут сверху толстый прут арматуры – держатель для котелка. Вся эта конструкция располагалась «не ближе, чем в двух метрах» от жилища граждан, то есть в трех шагах от спальных мест теплотрассы. Рядом с ямой, в полном соответствии с правилами пожарной безопасности, стояло большое металлическое ведро с какой-то мутной жижей. Беляш снял с рогатин арматуру, отложил в сторону – скоро ж понадобится, отодвинул подальше ведро и приступил к розжигу. Дрова были поблизости – их жилище располагалось в бывшей промзоне на улице Подольских Курсантов – деревьев вокруг было полно.

Тем временем Тузик разложил провиант. В этот раз им досталось восемь батонов хлеба, несколько упаковок сухой вермишели в прозрачных, видимо, выцветших от старости пакетах, несколько банок консервов неизвестного содержания и производителя – все надписи на банках были сильно затерты, а также десять бутылок водки и одна, неизвестно

каким чудом упущенная из виду и работниками магазина и господином из ПФР, бутылка некогда безумно дорогого коньяка Хеннеси ХО. Тузик и Беляш воззрились на Хеннеси. Подобной роскоши они не видели со времен работы в Холдинге и смотрели на бутылку, как бандерлоги на Каа. Первым очнулся Беляш.

– Так, значит, предлагаю, начнем с водяры, а этим, – ткнул пальцем в коньяк, – будем полировать... смаковать будем, когда насытимся.

– Дурак ты, Беляш, – ответил Тузик. – Кто ж такие вещи после водяры пьет? Ты zenки зальешь, потом ни запаха, ни вкуса этой росы божественной не почувствуешь, а утром даже и не вспомнишь, что пил.

Мдя, вздохнули друзья, дилемма. Как ни крути, никак им Хеннеси не заходит. Если с него начать – какая ж водяра потом полезет, а если им заканчивать, то он уже и сам от водки ни вкусом, ни запахом отличаться не будет... В общем, щекотливая ситуация.

– Давай так, Беляш, разводи костер, пару банок консервов разогреем, бутылочку водяры таки хряпнем и решим, чего с коньяком делать, лады?

Костер горел высотой сантиметров двадцать. Над ним на «шампуре» из арматуры висели подвязанные на проволоке две банки консервов – разогревались. На саму арматуру Беляш нанизал хлеб. Абрис завтрака начал потихоньку вырисовываться.

– Ну, вздрогнули, – сказал Тузик и опрокинул в себя первые полбутылки разом.

– И вам не хворать, – ответил Беляш и присоединился к товарищу.

Сентябрьское утреннее солнце набирало обороты, поднимаясь все выше и выше и нагревая прохладный уже ночами воздух. Друзья поели и приступили к обсуждению плана.

– Ну, чего с коньяком-то делаем? – не унимался Беляш. – Давай жахнем, уж очень охота!

– Тебе чего, водки мало? – ответил Тузик. – Только ж пенсию получили.

– Так это ж на ме-е-есяц. – Беляш грустно вздохнул... – А так хочется праздника для души!

– Ну вот, – ответил Тузик, – на свой вопрос ты и ответил. Давай на праздник какой его оставим, ну или в гости кто зайдет! Это ж такая вещь... До нее тянуться надо, дорости!..

– Тянуться надо?.. – Беляш хитро сощурился. – А ты знаешь, Серега, почему ты в Холдинге всю жизнь замом работал? Почему тебя выше никто не двигал?

– Почему?

– Да потому что деревянный ты по пояс, причем неизвестно, с какой стороны, и мыслишь узко. Кто ж к таким вещам тянуться-то должен, совсем чердак потек? Тянутся-то люди нормальные к знаниям с умениями, добро творить тоже тянутся – до этого-то точно дорости надо, не каждый способен, к семье люди тянутся, ну к бабам на крайняк. А ты из обыч-

ного, хоть и дорогого пошла культ делаешь. Очнись, Тузик, и так со всех сторон нас оскотинили, только одно осталось – самим скотами не быть, а ты туда же – тянуться надо, мол, к бухлу-то! Нет у нас с тобой праздников никаких, и гостей тоже нету.

– Да? – Тузик почему-то рассердился. – А что делать, если жизнь нас в такие рамки загнала? Я что ль эту пенсию с помойки сам себе придумал, или голубей мне жрать очень охота? Вся страна так живет и ничего, не жалуется на отсутствие праздников!

– Вот и плохо, что не жалуется, – ответил Беляш. – Если б пожаловались вовремя, может, и не жили б сейчас так!

Уговорив во время оживленного спора и завтрака вторую бутылку водки, друзья остались каждый при своем мнении. Беляш задумался, а Тузик все ходил и ходил вокруг костра, бормоча: «Я что ли хочу на помойке жить, мне что ли праздника не хочется... Я что ль виноват, что народу жизни не дают чинуши – руки как снегоуборочная машина, морда как у бегемота...» И, видимо от полученного стресса, не выдержал и закурил...

Бегемотная морда с руками как у снегоуборочной машины, наряженная в форму инспектора по пожарному надзору, вынырнула из ближайших кустов.

– Здрая жлаю, инпетор пжарной храны майор Майоров! Ваши документы! Составляем акт нарушения!

Следом за Майоровым из кустов вылез какой-то хлюпик

в МЧСовской форме лет двадцать от роду, видимо, стажер.

Беляш с Тузиком, не ожидая такой экспрессии, дружно рассмеялись.

– А вы, товарищ майор, давно там с курсантом в кустах-то сидите. Не холодно было, или вы в обнимку друг с дружкой? – сквозь смех выдавил из себя Беляш.

Курсант покраснел, а майор, не рассчитывая на столь наглое сопротивление, рывкнул:

– Молчать! Ишь, нарушают тут пожарную безопасность, курят рядом с теплотрассой, а это может быть почти стратегический объект, да еще и издеваются над представителем власти! Да за это, да в былые времена, да знаешь, что с вами сделали б?

– Не знаю и знать не хочу, – резко ответил Беляш. – Ты, майор, пожарник, ты себя с ментами не перепутал? Иди оформляй свой акт, и нечего нас тут лечить, мы леченные.

Майоров от такой наглости просто опешил. Он привык, что нарушители почти всегда лебезили перед ним, извинялись, просили отпустить ну или как минимум договориться. А тут какой-то полубомж внаглую среди бела дня насмехается над ним, самим майором Майоровым! Ну он у меня по-платится!

– Так, – сказал Майоров, – где багор?

– Какой багор, милый? – подключился к разговору сам нарушитель, то есть Тузик.

– Огонь разводите рядом с жилищем, должно быть ведро

с водой и багор! – Не унимался госслужаший.

– Та-а-ак, значит, багра нет... – Майоров присел на корточки, осматривая местность в поисках бычков. – А курят тут регулярно?

Не успев получить ответ на свой вопрос, он услышал пронзительный визг курсанта:

– Това-а-арищщ майо-о-о-ор... гори-и-и-им!

Дело в том, что в поисках вещдоков от былых правонарушений – а уж они-то были – майор присел на корточки рядом с костром спиной к нему, в результате чего длинные полы его плаща спустились в огонь, уже едва тлеющий, но еще вполне жаркий... и потихоньку занялись... Удивленный майор поднялся, не видя, каким бодрым огоньком занялся плащ у него за спиной, и спросил курсанта:

– Ты чего орешь, идиот?

– Та-та-та-тава-а-арищ майор... – только и мог выговорить курсант.

– У тебя плащ загорелся, мудо, – выпалил Беляш, – на землю, срочно!

Беляш кинулся за одеялом, накрыть майора – простейший способ сбить пламя.

Но огонь в это время перекинулся уже на фуражку, и Майоров, почувствовав его своим затылком, в ужасе заорал курсанту:

– Воды-ы-ы-ы, живо!

В этот раз курсант не растерялся, быстро подхватил стояв-

шее у костра ведро и, замахнувшись, резким движением надел это ведро на Майорова. Раздалось шипение, пошел пар. Пламя погасло, майор потух.

Но тут из ведра, под которым была голова несчастного майора, раздался дикий визг...

– Ети вашу мать, уроды, вы за это ответите!!!

Вместе с визгом по округе начал разноситься соответствующий запах...

В ведре, разумеется, была не вода. Беляш и Тузик, как образованные люди, не могли не держать рядом с домом ночную вазу, содержимым которой, как оказалось, добрый курсант и окатил Майорова. Ведро сняли. На потерпевшего больно было смотреть. Некогда деловой, уверенный в себе, целый майор стоял, тряся, обтекая желтыми струями. Мокрые волосы, как это ни странно, торчали во все стороны, взгляд у него был жалкий и потерянный. Штрафовать ему больше никого не хотелось.

– Хомячок обоссанный! – выдал Тузик, виновник, в общем-то, происшествия...

Курсант отодвинулся от Майорова подальше. С майором, на фоне отстранения «друга» в виде курсанта, а также на фоне полученного им физического и морального унижения, начали происходить удивительные метаморфозы. Бормотание его вместо слов «ответите еб нах», «накажу банаврот» и т. д., начало включать в себя человеческую речь и, в конце концов, закончилось фразой: «Помогите, мужики, водички принеси-

те, пожалуйста, а то как я в таком виде в машину-то сяду».

– Во-о-от, – сказал Тузик, – можешь же, когда хочешь, по-человечески разговаривать!

– Да не могут они, – грустно констатировал Беляш. – Все эти держиморды околоточные, бесконечные проверяющие, менты, пожарники, главные по мусору, распределители благ, госслужащие с медной мордой не могут. Только вот так, когда ведро с говном на башку им напялишь, только так в людей и превращаются и никак иначе, без вариантов!

– Лан, Беляш, харэ разглагольствовать, – ответил Тузик, – гаси костер, пока еще кто-нибудь не загорелся, а я за водой метнусь. А ты, – обратился он к курсанту, – хватай своего Феникса, и валите в машину, только на сиденье тряпок каких-нибудь накидай, если не хочешь химчистку делать. Воды-то я вам тоже не из артезианской скважины принесу – лужа тут рядом большая...

Тузик схватил ведро и скрылся с ним в ближайших кустах, обогнув которые и пройдя еще метров сто пятьдесят – двести, можно было выйти к огромной луже – естественному водоему, который жители теплотрассы использовали как источник технической воды – помыть ноги или постирать шмотки. По-научному, то есть говоря государственным языком, наличие этой лужи вблизи теплотрассы называлось «доступное водоснабжение».

Майор вместе с курсантом ушли в другую сторону – к дороге – к улице Подольских Курсантов. Машина, на которой

они приехали, находилась, очевидно, именно там.

Оставшись один, Беляш начал обдумывать произошедшее. Их спор с Тузиком, вмешательство пожарных и вообще превратности судьбы, швыряющие людей, особенно в нашей стране, как котят. Почему люди в стране в свиней превращаются? Ведь что мешало этому майору подойти и сказать: «Ребята, не курите здесь, сами погорите, да соседей, таких же бедолаг, пожжете!» Так ведь нет. Начал власть показывать, права качать, я, мол, тут хозяин, а вы так, шавки безродные. Да и мы тоже хороши... Человеку на башку ведро с говном надели, а мы ржать в два голоса – ну не свиньи, а? Могли бы предупредить (хотя это вряд ли, курсант шустрый, сука, попался, мы даже ойкнуть не успели), ну или хотя бы не ржать, а самим помощь предложить... Не-е-ет!!! Вот и живем в стране – что сверху свиньи, что снизу. И откуда это повелось? Кто это первый начал? Почему человек, когда добирается хоть до самой низшей, но первой ступени власти, превращается в свинью, кто ему такое право дает, и почему ему окружающие позволяют? И наоборот, ну находится человек внизу, без средств к существованию, но все равно – не повод же, чтобы оскотиниваться-то! По телевизору вон говорят, что у нас, мол, страна возможностей. Хорошо, мол, у нас говорят, кабы не смертность, превышающая в три раза рождаемость, полное отсутствие медицины как таковой, отсутствие образования, туризма, накоплений на черный день и вообще каких бы то ни было положительных перспектив,

так вообще бы улыбка с лиц граждан не слезала. Может прав Тузик со своим «А я-то что могу сделать?», «На помойке жить не желаю, но сделать с этим ничего не могу, вот и живу». А действительно, что они могут сделать – Тузик и Беляш? Были и гораздо покруче них люди, пытались что-то изменить, привнести добро и справедливость. Но где они сейчас? Никто не знает. А те, кто знает – помалкивают. То ли у нас земля такая – не принимает добро со справедливостью... Ну вот бывает же почва, в которую, например, нельзя картошку сажать... Не годятся же для посадки картошки тяжелые глинистые почвы и те, где накапливается вода. Подходят легкие, рыхлые составы! А может быть климат у нас для добра и справедливости неблагоприятный... Никто ж не додумался, например, ту же картошку в Арктике выращивать?

Вот и выходит, что никто в происходящем не виноват – просто страна-парадокс – все что угодно можно списать на почву и погодные условия. Дороги плохие? Ну что ж вы хотите, граждане – по-о-очва... Надо пенсионный возраст поднять? Ну так...кли-и-имат же! А с другой стороны, а как же тогда Финляндия, как Швеция с Норвегией? Там-то тоже климат – не Канары явно. Почему там-то люди себя так не ведут? Нет, не в климате дело... Есть что-то такое у нас в стране, что людей в свиней превращает...

«А сейчас в нашем эфире телеведущий Рудольф Полиграфович Вечерний со своей авторской программой „К кормушке!“» – Беляш вздрогнул. Это из открытых окон нахо-

дившейся неподалеку панельки раздалась звуки начинающейся телепередачи. «Тьфу ты, ерш твою медь,» – Беляш смачно плюнул от испуга резким звуком и одновременно от своего отношения к автору, ведущему и участникам данной программы. Подобные шоу он давно не смотрел ввиду отсутствия в его «апартаментах» на теплотрассе не то что телевизора, а и вообще электричества. Но даже если бы было и то и другое, Беляшу подобные «концерты» давно осточертели, и верить им мог только тот, кто ни разу не стоял в очереди за пособием в ПФР.

«Мдя, безнадега... Никакого просвета... Хотя, стоп! У меня ж Хеннеси есть!» – Мысли Беляша оживились...

Надо накатить, да причем срочно и немедленно! Правда немного неудобно – Тузик до сих пор не вернулся, а начать столь важное и ответственное дело без товарища – это ли не свинство, о котором Беляш только что так много думал? Хотя-я-я... «Тузик же сам хотел на праздник выпить, вот я ему его половину на праздник-то и оставляю, а свою сейчас жахну – у меня праздник сегодня!» Удовлетворенный таким раскладом, Беляш взял в руки коньяк. Бутылка, украшенная виноградными листьями и гроздьями, вылитыми на стекле, призывно сверкала на ярком сентябрьском солнце.

«Да-а-а, давненько я таких вещей не пробовал, – подумал Беляш – уже и вкус забыл. Ну ладно, как говорить с почином!» Открутив металлическую пробку с горлышка бутылки, Беляш резко выдохнув, запрокинул голову, вливая в себя

содержимое.

– Ой... – только и смог выговорить Беляш, вытирая губы. – Дрянь-то какая!

Отпил он ровно половину. Вторую, как он сам с собой и договорился, оставил Тузику. Организм напитков не принимал. Горло жгло, начал срабатывать рвотный рефлекс...

«Вот оно что, – подумал Беляш, – отвык уже организм от нормальных напитков-то... Да и закусить бы не мешало...»

Он пододвинулся к костру, снял с «шампура» кусок хлеба, зажаренного на завтрак, и начал неторопливо есть.

Хлеб не шел. И Тузик не шел.

– Блин, куда ж он запропастился-то? – Беляш забеспокоился. – Тузик! Ту-у-узик! – Крик прозвучал как-то неуверенно. Голова кружилась, тело было ватное, Беляша тошнило. Прошло уже минут двадцать с момента принятия им «праздничной» дозы, а Тузик не появлялся.

«Пойду сам поищу», – подумал Беляш, встал, поставил Хеннеси на землю и сделал два шага по направлению к месту предполагаемого нахождения Тузика. Третий шаг Беляш сделать не успел. В глазах потемнело, ноги подкосились, и, уже не понимая этого, он плашмя, лицом вниз, рухнул на землю. С губ его до земли потекла длинная и мутная слюна.

– Беляш, ты чего, прикалываешься? – Тузик, вышедший из кустов, увидел друга, лежащего на земле. – Позагорать решил? – Ответа не было. – Эй, Беляш, хватит прикалываться, поднимайся, я Майорова отмыл. Три раза бегать пришлось,

уж больно он хорошо пропитался. И вот, гляди, еще нам водички свежей принес, хоть носки постираем, не отходя от кассы... – Тишина вместо ответа начала Тузика настораживать. – Беляш? Коля, у тебя все нормально? – Тузик понял, что нормально не все. Перевернув друга, он бил его ладонями по щекам. – Беляш, очнись, Беля-я-яш! – Друг не отвечал, глаза его были закрыты.

– Ты чего орешь, Тузик? – Сосед по теплотрассе с погонялом Тихий стоял над Тузиком с осилком в одной руке и длинным кухонным ножом в другой, совершая характерные движения – вжжжик – затачивая попеременно то одну, то другую стороны лезвия. – Может, помочь чего?

Тихого только недавно отпустили менты. Его приняли прямо на собственном дне рождения после того, как он, уготив от души гостей напитками из пенсионного набора, слушал на всю громкость три часа подряд Сектор Газа. Этого естественно не выдержали соседи из рядом стоящей панельки и вызвали ментов. Менты, как и пожарники, оставили машину на дороге и колонной из трех человек двинулись к месту празднества – музыка орала нестерпимо. Тихий захотел продолжения банкета и, прячась от ментов, обогнул их колонну и вышел прямо к ментовскому бобику. «Мдя, эх бы прокатиться с ветерком, – подумал Тихий, – когда ж еще смогу-то так вот, по шоссе, да на автомобиле...» (Своих машин, надо заметить, с наступлением светлого будущего у граждан не стало). Машина была не заперта. Тихий усел-

ся на водительское сиденье и начал крутить рулем. «Кайф... Какие сиденья прикольные... Неужели ж наши наконец-то хоть бобики научились делать по-человечески... А магнитола какая! А руль! А ключи!.. Стоп, это ж ключи от машины». Действительно, в замке зажигания торчали ключи – от зажигания в самом замке и большая связка на пристегнутом к нему кольце. «Ну, ща погоняем!» – подумал Тихий.

К моменту обнаружения Тихим ключей, отряд ментов уже шел обратно к машине, повязав всех участников праздника, кроме, разумеется, юбиляра.

Когда до машины оставалось метров пятьдесят, первый из отряда, очевидно водитель, поднял глаза на машину и остановился. Остановился и отряд. Все увидели Тихого за штурвалом.

– Э-э-э, – заорал водила, – вылезай, козел! Вылезай немедленно, а то хуже будет!

Тихий завел бобик.

– Не волнуйтесь пацаны! – крикнул он в окно. – Я только кружок по району дам и вернусь. Очень прокатиться охота! Гадом буду, вернусь, у меня же днюха сегодня!

Сперва заорала магнитола. Причем заорала она как ни странно не «Наша служба и опасна и трудна», а что-то уже совсем блатное, что-то типа «Вагон столыпинский, окно с решеточкой, конвой из Вологды...» Потом включились проблесковые маячки, ну а уж после этого шаловливые руки Тихого дотянулись до сирены.

Ментовской бобик, разнося на всю округу блатные аккорды, завывая сиреной и мигая проблесковыми огнями, с визгом унес Тихого прочь. Наступила МХАТовская пауза.

– Ты нахера ключи в машине оставил? – старший наряда орал на водилу.

– Да откуда я знал, что какой-то мудака додумается бобик угнать? – оправдывался тот.

Менты посоветовались. Рация была в машине.

– Значит так. – Старший обратился к участникам праздника. – Сейчас бегайте по округе, ищите телефон. Кто первый найдет и сообщит дежурному, что бобик угнал вооруженный преступник, тяжело ранив при этом троих сотрудников, того отпустим.

Ждать долго не пришлось, сообщение дежурному было направлено. Тихого ловили всем районом. Но он, гад, не давался. Колеса по задворкам, умело ныряя в кусты, он умудрялся уходить от погони до глубокой ночи, пугая громкой музыкой и воем сирены жителей Бирюлева. Когда ж его бобик наконец-то умудрились взять в «коробочку» два полицейских автомобиля, Тихий заметил прямо по курсу местный магазин «Фейерверки» и направил бобик прямо на входную дверь. Таран удался, полицейские машины врезались в стену слева и справа от бобика, а Тихий на своем драндулете въехал прямо в магазин. От удара Тихий вылетел через лобовое стекло, совершил несколько оборотов в воздухе и приземлился прям на полки с товаром. Отряхнув голо-

ву от пыли, Тихий огляделся. Вокруг было великое множество красиво разукрашенных коробок. На множестве коробок были нарисованы счастливые дети, стоящие рядом с огненными фонтанчиками небольшой высоты, бенгальские огни и хлопушки. Некоторые коробки были разорваны от удара бобиком, некоторые целые. Тихий повернулся. Рядом с ним лежала разорванная огромная коробка с тремя черными ракетами. Сбоку на коробке был нарисован черный череп со скрещенными костями и рекламный слоган «Дарит атмосферу праздника».

Время было три часа ночи. Два экипажа, гнавшихся за Тихим и ударившиеся в стену, только вылезали из покореженных машин, сирены остальных экипажей еще только приближались. Остановить Тихого было некому. «Ну что ж, атмосфера праздника – это хорошо, днюха же... Да и когда я еще салют посмотрю», – подумал Тихий, поджигая фитиль... Мощные взрывы, устроенные Тихим, все Бирюлево слушало до утра.

– Так чего помочь-то, Тузик? С Беляшом что ль чего приключилось? – Тихий спросил почти шепотом (менты полностью излечили Тихого от любви к громким звукам).

– Сам не знаю, – ответил Тузик, – я на полчаса отошел, вернулся, а Беляш уже на земле лежит. И сознания нету.

Начали подтягиваться другие соседи.

– Надо пульс пощупать, – сказал Петя, молодой парень, студент, волею судеб также бывший их соседом.

– Ой, девки! – подала голос Надя, худая интеллигентка, которая при каждом удобном и неудобном случае подкатывала к Беляшу. – Ой, такого мужика загубили, с ним еще жить да жить можно!

– Да кто ж загубил-то? – ответил Тузик. – Ясно ж сказал, потерял человек сознание просто, ща очухается, встанет!

– Говорю же, пульс пощупать надо, – настаивал на своем студент.

– Мне, мне пощупать дайте! – Надя вырвалась вперед, присела рядом с Беляшом и начала активные пассы руками.

– Ты чего, дур-ра, делаешь? – заорал Тузик. – Ты зачем его между ног-то щупаешь? Пульс, дура, его на запястье щупают... Ну-ка уйди, живо!

Возбужденную Надю оттащили от Беляша и поставили рядом с Тихим, чтоб не дергалась. Но и в отдалении от предмета своих вожелений она сильно переживала и периодически выкрикивала: «Дайте пощупать, ну надо ж пощупать-то!»

– Ну-ка, разойдитесь, – студент присел рядом с Беляшом, взял его руку и попытался понять, есть ли пульс. Но то ли пульс был слабый, то ли студент был слишком взволнован происходящими событиями, только вот пульса у Беляша он не обнаружил.

– Пульса нет, – объявил Петя. – Надо скорую вызывать, причем срочно!

Тузик вздохнул. Плохо дело, если уж до скорой дошло... Да и от скорой-то толку как от козла молока. Что ж делать-то,

как Беляшу помочь? Не придумав ничего оригинального (а что он мог придумать, когда у них с Беляшом из всех лекарств был только антисептик, и тот из пенсионного набора. Да и у всех соседей, если собрать все, что есть медицинского, максимум найдутся клизма и зеленка), Тузик принял грустное решение бежать к панельке за телефоном. Ни клизма, ни зеленка Беляшу, судя по всему, сейчас не помогут.

Дозвонился Тузик неожиданно быстро.

– Слу-у-ушаю, сын мой, – ответил громкий бас на том конце провода.

– Приезжайте скорее, человек без сознания. Адрес: теплотрасса на Подольских Курсантах, спальные места 24, 25. – Тузик повесил трубку.

Вернувшись, Тузик обнаружил, что народу вокруг Беляша прибавилось. Соседи искренне желали помочь, но не знали чем. Кто-то уже положил свернутое мокрое полотенце на лоб Беляшу.

– Сейчас скорая приедет, – сказал Тузик безрадостно.

– Да что твоя скорая? – сказала тетя Дуня, пожилая женщина в больших роговых очках. Глаза тети Дуни сквозь очки в упор смотрели на Тузика. – Сам-то веришь, что помогут? Иш, ты... скорая. Себе-то вон больниц понастроили за высоченными заборами, доктора к ним из-за границы прилетают. Оборудование в больницах как техника космическая. Я знаю, у меня племяшка-то гувернанткой служит у одного «по связям с общественностью». Так он после этих связей

нажирается как свинья и пьет потом запоем месяц. А как напьется, так в больничку на неделю, прокапываться. А ее, бедняжку, с собой берет, чтоб самому со шмотками-готовками не возиться – жрет-то только домашнее. Так ей там целую отдельную комнату при его палате выделяют. Ко-о-омнату! А мы тут с вами на трубах спим. А главный-то наш – по заботе – так вокруг того вообще всегда консилиум ходит, куда бы ни отправился. Чуть какое недомогание, раз – и башку ему сразу отворачивают! Медици-и-ина! А ты говоришь скорая...

Насчет головы Главного по заботе Тузик эту информацию слышал и раньше. Естественно, из недостоверных источников. Кто-то где-то работал охранником, кто-то водителем, кто-то горничной – так и рождаются в народе слухи, которые, впрочем, очень часто оказываются близки к истине. А информация эта была такая.

Еще некоторое время назад – может десяток лет, может два, никто не знает – Главный, находясь в весьма почтенном возрасте, сильно замучил своих придворных лечащих врачей. То давление у него скакнет, то руки трястись начнут, то ноги откажут – в общем, не пациент, а ходячая бомба замедленного действия. Чего только с ним врачи не предпринимали. Вживляли ему стволовые клетки, меняли кровь, пересаживали почки, заменили сердце, причем раза три. Все без толку. Пациент разваливался на глазах. Но однажды это прекратилось, и Главный вновь стал появляться на экранах

телевизоров (у тех, у кого они были), а также на различных мероприятиях бодрым, собранным и иногда даже веселым. Эта удивительная перемена произошла благодаря двум вещам – западным медицинским технологиям и высочайшему профессионализму отечественного нейрохирурга профессора Веселовского. Дело в том, что Константин Эдуардович Веселовский уже давно работал над системой автономного обеспечения жизнедеятельности головного мозга и добился на этом поприще поразительных результатов. В его рабочей лаборатории (расположенной, кстати, прямо напротив Кремля: у вождей это вообще традиция – интересоваться сохранением и продлением жизни) было огромное множество голов разных животных, стоящих на диковинных постаментах, внутри которых переплетались многочисленные трубки, светили лампы и булькали разноцветные жидкости. Головы бляли, гавкали, мяукали и вообще вели себя так, будто не стоят в лаборатории на постаменте, а являются частью целого и подвижного организма и при большом желании могут убежать отсюда, когда им заблагорассудится. Веселовский добился поразительных результатов: он мог отрезать голову практически любому живому существу и заставить ее жить собственной жизнью. Процент неудавшихся опытов был крайне мал. Но! Да, было одно но. Главный, как и любой другой вождь в нашей стране, проблемой вечной жизни, конечно, интересовался и лабораторию Веселовского не раз посещал, понимая, что трясущиеся руки и отказывающиеся ноги ничем

хорошим лично для него закончиться не могут. Но Главный видел и подопытных профессора. Да, живых и здоровых, но полностью беспомощных и находящихся в его полной власти. Главный понимал, что стоит ему превратиться в говорящую голову, как его политические враги, впрочем, как и его политические друзья, быстренько придумают что-то такое, чтобы от власти его голову убрать. В лучшем случае поставят в какой-нибудь музей имени его самого, а в худшем... Про худший случай того, что политическое окружение может сделать с его головой, Главный старался не думать. Нет, такой вариант решительно не подходит! Его голове нужно тело!

– Вот что, Константин Эдуардович, – сказал Главный при его очередной встрече с Веселовским. Встреча состоялась в Кремле, лаборатория Веселовского Главного уже не интересовала, он принял решение. – Головы на постаменте это, конечно, хорошо, но этого недостаточно. Надо срочно создать симбиоз головы и нового тела.

– Но позвольте! – Воскликнул профессор. – Это же не по щелчку пальцев делается. Да, я слышал, что немцы из Naag-Streit довольно-таки успешно тестировали переходники-импланты, но это же даже не XXI век, это XXII, а может и XXIII – зависит от того, как успешны будут опыты... А нам с нашим отечественным оборудованием об этом даже мечтать сейчас рано!

– Я вам не мечтать приказываю, профессор, а создать про-

тотип. Оборудование, не отечественное, вам доставят уже сегодня вечером. Вперед.

После этого разговора прошло не больше трех месяцев, а Главный уже видел результат. Руки профессора действительно были золотыми. А вкупе с немецкими технологиями творили просто чудеса.

В лаборатории Веселовского подопытных прибавилось. Но теперь внимание очень редких посетителей, состоящих только из сотрудников госбезопасности, контролировавших выполнение приказа Главного, привлекали не головы на постаментах, а вполне подвижные, но очень необычные экземпляры. Например, как его называл Веселовский, Бобик, он же образец № 11. Мощное тело длинношерстной немецкой овчарки в районе шеи обхватывал серебристый обруч, а из обруча уже выходила шея, держащая голову восточноевропейской овчарки совершенно другого окраса. Бобик был весельчак и всегда радостно встречал проверяющих, виляя хвостом и норовя лизнуть. Но были и другие, менее дружелюбные особи. Визит проверяющих всегда заканчивался одним – демонстрацией.

– Присаживайтесь, господа, – традиционно говорил профессор после осмотра лаборатории и устного отчета перед проверяющими. – Итак, сегодня у нас трансплантация от донора № 14 к реципиенту № 11.

На каталке привезли тушу огромного дога. Головы у него не было. На шею дога так же было надето кольцо, как и у

Бобика.

Кольцо было не простым. На той его части, которая должна нести голову, было несколько разъемов. В центре кольца было отверстие с резьбой, а по бокам экраны с текущей информацией: температура, пульс, давление.

– Итак, начнем, – сказал Веселовский. – Как видите, процедура предельно проста.

Ассистент взял заранее приготовленный шприц и ввел Бобику какой-то состав. Бобик заснул, и его поместили в специальное кресло, наподобие кресла Рахманова специального для рожениц. Но Бобик не рожал, Бобику меняли тело. В это время в точно такое же кресло поместили тушу дога. Профессор нажал несколько кнопок на кольце Бобика и ввел пароль на сенсорном экране дисплея. Раздался одобрительный писк системы, и Веселовский без труда, по резьбе выкрутил голову Бобика. Кольцо разъединилось: половина осталась на теле овчарки, половина кольца скрывала часть шеи головы. Веселовский с головой Бобика подошел к догу. Аккуратно, двумя руками, стараясь с первого раза попасть в резьбу, профессор прикрутил голову Бобика к телу дога. Было слышно, как защелкнулись разъемы, когда резьба закончилась.

– Уф-ф-ф, – выдохнул профессор, – вроде все. Ассистент, напомните код активации дога.

– 5462, – ответил ассистент.

– Спасибо! – Профессор ввел код на экране дисплея, и глаза Бобика открылись. Вернее, это был уже не тот Бобик,

что встретил проверяющих. Вернее, не совсем тот.

Теперь это была помесь дога с овчаркой, впрочем, тоже дружелюбная.

– Как видите, господа, – сказал профессор, – мозг Бобика полностью взял под контроль тело дога. Симбиоз успешен. И самое главное, к выполнению Задачи мы готовы.

Те, кто общался тогда с Главным лично, не переставали удивляться. Как? Как из больного старика, доживающего, можно сказать, последние дни, Главный вдруг резко стал спортсменом, готовым хоть летать на истребителе, хоть погружаться на дно морское. Почему его дряхлое тело вдруг стало таким молодым, упругим и кажется даже прилично загоревшим (в отличие от головы). Не удивлялся в стране только один человек – Константин Эдуардович Веселовский. Он не удивлялся, он знал КАК.

Тузик вздохнул. Правдой это было или нет, ни для него, ни для Беляша это не имело решительно никакого значения. Они с Беляшом принадлежали к той категории граждан, которая подпадала под действие государственной программы «Доступная медицина», в рамках которой гражданам разрешалось рвать подорожники (не более пятисот грамм в сутки), заготовливать Иван-чай (не более десять хозяйственных сумок на человека) и собирать сок алоэ (не более стакана за раз). Высокие немецкие медицинские технологии им в жизни не светили. Тузик сплюнул. «Спасибо Главному за медицину, чтоб у него башка не по резьбе пошла при очередной

замене», – подумал он и услышав крик «Е-е-едут!», быстро вскочил на ноги.

– Что? – спросил Тузик тетю Дуню. – Едут?

– Да, вон, полюбуйся, скорая едет, – ответила тетя Дуня и вздохнула.

Со стороны улицы Подольских Курсантов действительно раздавались звуки сирены и были видны засветы проблескового маячка. Тузик скомандовал, и Беляша перетащили к дороге, поближе к скорой.

Однако никаких белых автомобилей с красными крестами видно не было. Вместо этого из-за поворота показался огромный черный «Мерседес» S-класса с синей мигалкой на крыше и крякалками за радиаторной решеткой. «Мерседес» был тонирован, стекла все, включая лобовое, были совершенно темные. На обеих передних дверях были нарисованы огромные золотые кресты с тремя перекладинами, так называемые Патриаршьи. Вдоль борта «Мерседеса» по верху дверей с каждой стороны была наклеена золотая полоса, на которой черными буквами было написано «Скорая Православная Помощь». Сразу было видно, что «Мерседес» принадлежал солидной организации. На крышке багажника были прикреплены – какие на магните, какие на винтах – несколько антенн, очевидно для оперативной связи экипажа «Мерседеса» с акционерами. Резина «Мерседеса» была разноширокая с дисками Борбет. За стоимость только резины и дисков от этого автомобиля всех обитателей теплотрассы можно было

на год обеспечить хорошими продуктами.

«Мерседес» остановился рядом с толпой, окружившей Беляша. Открылась водительская дверь, из машины вышел водитель в синем клетчатом костюме-тройке и белой рубашке, обошел «Мерседес» сзади и открыл заднюю правую дверь. С заднего сиденья с огромным трудом, вывалив наружу сперва одну ногу, побряхтя, а затем вывалив другую, оперевшись на руку, поданную водителем, с огромнейшим трудом вылез Батюшка.

Не спеша обогнув машину, он внедрился в толпу, огляделся мутным глазом (второй был прикрыт) и громогласно произнес:

– СкОрую ПрОвОславную вызывали? (делая ударение на каждую букву О, которую ему приходилось произносить).

– Вызывали, батюшка, вызывали, – к попу выскочила Надя и затараторила: – Такого мужика загубили, а ведь я говорила, что надо пульс пощупать, а эти вот, – Надя показала пальцем на Тузика и Тихого, – щупать не дали, а это же неоказание первой медицинской помощи...

– Как звать тебя, дочь моя? – перебил ее поп.

– Надя, а что? – Надя кокетливо улыбнулась.

– Варезку прикрой, вот что, – батюшка был серьезен. – Раз вызывали, говорите, что делать желаете – исповедь, причастие, соборование... а может отпеть надо. Случай серьезный?

– Да какой там отпеть, – вмешался Тузик – вот, видишь

сам, плохо человеку, без сознания.

– Т-а-а-ак, – поп посмотрел на лежащее на земле тело Беляша, перевел взгляд на Тузика, икнул и спросил: – А тебя как величать, раб божий?

– Серега я, – был ответ, – но все меня по-простому кличут, Тузиком.

– Ну что ж, а я отец Афанасий, пойдем, Тузик, я тебе кое-чего покажу, – батюшка со вздохом приподнял рясу, чтоб не запыхалась в дороге, и двинулся напрямик к кострищу – месту, где еще недавно Тузик и Беляш беззаботно завтракали.

Оглядевшись на месте, поп, разумеется, ее нашел. Бутылка Хеннеси, заботливо поставленная Беляшом на землю, была цела и невредима. Афанасий брезгливо, двумя пальцами одной руки взял бутылку. Другой рукой медленно, с опаской, открутил пробку и принялся.

– Ну вот Тузик, вот и ответ на твой вопрос, – сказал Афанасий. – Пойло-то это, богомерзкое, товарища твоего и сгубило.

– Да? – Удивился Тузик. – Как же это так? Мы ведь с ним еще и не такую дрянь пили и ничего. Да и сегодня перед этим, успели по пузырью из пенсионного набора принять. А там, сам знаешь, что дают. Кони от этогодохнут. (Хотя-я-я... Тузик поглядел на упитанного Афанасия оценивающе... Откуда он знает-то!) И что же, Беляш принял полбутылки этого, можно сказать, премиального алкоголя и все?

– Видишь ли, раб божий Тузик, – начал Афанасий лек-

цию. – Были бы вы с вашим товарищем маленько поумнее, вы бы знали, что настоящий Хеннеси никогда не имел металлических пробок, да еще в придачу закручивающихся на резьбу. Запомни, Тузик, настоящий Хеннеси имеет дорогую пробковую крышку, на которой должно быть нанесено название винодельческого дома, герб, одновременно являющийся логотипом, а также информация о напитке, включающая в себя, разумеется, годы выдержки. А это, – Афанасий указал пальцем на бутылку, – сатанинское пойло.

– Чего-о-о? – Тузик смотрел на Афанасия с уважением, поп явно рубился в теме.

– Того, сын мой, – ответил поп, – контрафакт это голимый, вот что. Метил.

Афанасий с Тузиком вернулись к дороге. Народ их встретил немым вопросом – ну что?

– Кажись, Беляш метила хлебнул, – сказал Тузик. – Афанасий, батюшка, а что ж теперь делать-то?

– Не ко мне вопрос сий, – ответил поп и посмотрел наверх... – Есть Главный по заботе, к нему и обращайтесь, а у нас, у скорой православной, по программе «Доступная медицина» в его случае, – поп указал пальцем на Беляша, – только отпевание. Ну, любезные братья и сестры, прощайте.

Афанасий плюхнулся на заднее сиденье «Мерседеса», поблагодарив водителя кивком за распахнутую заранее дверь. Двигатель запустился и заурчал мощным выхлопом. Включилась мигалка и сирена, и «Мерседес», плавно тронувшись

с места, уносил все быстрее и быстрее батюшку по новым вызовам.

Беляша перетащили на лежак. Тузик присел рядом. Народ потихоньку разошелся.

«Чего делать? – думал Тузик. – Выкарабкается Беляш или он уже того, на небесах?» Помощи ждать было неоткуда. Заботливая родина всегда приходила на выручку гражданам, если у граждан была выручка. У Тузика с Беляшом никакой выручки давно уже не было, и единственная помощь, которую могла дать Беляшу большая и некогда богатая страна – это отпеть.

– Да что ж это за жизнь-то такая, сколько можно это терпеть, и когда это закончится! – заорал Тузик. – Су-у-уки-и-и! – В крик он вложил всю силу, на которую был способен. – Такую страну просрали!

– А! – Беляш аж подпрыгнул от крика товарища. – Серега, ты чего так орешь-то? – Беляш огляделся. – Я надолго вырубался-то? – спросил он Тузика.

Тузик не отвечал.

– Эй, Серега, ну ты чего расстроился-то? – Беляш попытался обнять товарища, положив руку на плечо, но рука удивительным образом прошла сквозь Тузика. Беляш, не ожидавший такого поворота событий, почти потерял равновесие и, чтобы не упасть, сделал два шага вперед. Пройдя прямо сквозь Тузика, он обернулся и увидел самого себя, лежащего на матрасе, на своем собственном, некогда даже почти лю-

бимом месте, и товарища державшего его руку. Тузик плакал, беззвучно трясясь. Слезы катились по его щекам и капали на теплотрассу.

«Ничего себе, – подумал Беляш. – Так вот оно как бывает, как в кино. Это что ж я, получается, откинулся что ли? А почему тогда так легко, почему настроение хорошее? Гравитация как будто исчезла».

Беляш попробовал подпрыгнуть. Не рассчитав сил, Беляш с первого же раза взмыл в воздух метров на пять.

«Вот это да! Класс». – Беляш заметил, что парит в воздухе, и обернулся по сторонам. Краски мира стали гораздо ярче, или у него со зрением что-то случилось? Видел Беляш теперь все, что желал, до единого, в самых ярких цветах. Вон в небе высоко-высоко летит стая ласточек... красивые какие, вон километрах в пяти, ближе к МКАДУ на поляне резвились две бабочки, вон по Варшавскому шоссе в сторону центра мчится черный автомобиль с мигалкой и золотыми крестами на дверях – наверное, занятой человек мчится по какому-то очень важному делу...

Чувствовал Беляш очень ярко и все запахи: запах травы на поле перед их теплотрассой, запах города с его трубами, автомобильными пробками и редкими островками жизни – лесопарками, полянками и аллеями. Беляш понял, что он в состоянии почувствовать запах каждого цветка на Земле и его наполнило чувство радости.

Попарив еще пару минут, Беляш понял, что хочет спу-

ститься вниз к горевавшему Тузику. Мысль Беляша материализовалась, и он плавно опустился рядом с другом.

– Хоть бы инструкцию какую дали, чего делать-то? – подумал Беляш. И вдруг сразу после этой мысли небо начало заливаться ярким светом. Беляш поднял голову и посмотрел на солнце. Солнце как будто расширилось прямо на его глазах и начало занимать все пространство до горизонта, осветив Москву в целом и их теплотрассу в частности очень ярким, но совершенно нежарким светом. Одновременно с этим Беляш почувствовал, что отрывается от земли. Ощущения были приятными – ощущения полета и одновременно беззаботности.

Беляш понял, что его ждут. Единственное, о чем он жалел, это о том, что ничего не успел сказать Тузику. Беляш попытался повторить фокус с приземлением, когда он усилием мысли смог приземлиться, и также мысленно сказал Тузику: «Все будет хорошо».

Тузик вытер слезы. Резко подняв голову, он посмотрел прямо в глаза Беляшу.

– Эх, Коля, Коля, – тихо сказал Тузик.

Беляш понимал, что друг его не видит и не слышит, но все равно, поднимаясь все выше и выше, он закричал Тузику:

– Не переживай, Сере-е-ега, я верну-у-ушь! Слышишь – верну-у-ушь!

Часть вторая. Куб

Куб засветился ярким желтым светом. Это означало скорое прибытие новой инт. Сколько же их пришло сегодня, сто тысяч, сто двадцать, сто шестьдесят?. Бу не помнил. Да это было и не важно. Есть миссия, его почетная миссия – встречать инт, готовить Куб, выяснять направление броска и сопровождать инт до цели. Все! Других задач у Бу на сегодня нет и быть не может. Сколько он себя помнил, а это всего каких-то несколько сотен лет, он со всей ответственностью относился к поставленной задаче. Этому учил его отец. А отца в свое время учил дед. И так далее, в глубину поколений, на много тысячелетий назад. Его предки всегда с почтением относились к своей работе, к прибывающим инт и гордились своим ремеслом. Но сегодня особенный день. Сегодня на Лоциус прибывает партия новобранцев. И одного из них – Бу выберет его лично – предстояло подготовить как своего помощника и заместителя. Та еще задачка. Бу переживал и сильно нервничал. В такие моменты он от волнения тер тремя фэнгами свою слуховую складку. Он помнил моменты, когда Лива могла одновременно прислать ему и двести тысяч инт. И он справлялся. Но сможет ли он обучить преемника, чтоб справился и тот?

Нет, это обучение решительно было делом из ряда вон выходящим! Тут, пожалуй, не обойтись без нескольких маков

хорошего лема – для храбрости. Емкость с лемом находилась на кухне. Но перебираться туда из отсека с Кубом Бу не хотел. Он послал импульс роботу и через пару минут наблюдал на столе красивые изгибы сосуда. Лем светился красным и ждал своего часа.

Но тут его центральные мозговые рецепторы уловили импульс Капитана: «Внимание, приготовится, на Лоциус прибывает челнок». Почувствовав сразу после сообщения волну жара, накрывшую после пространственно-временного хлопка все отсеки Лоциуса, он понял, что челнок прибыл. Бу с досадой посмотрел на сосуд с лемом – эх, не успел... – и поскользился в центральный отсек встречать новобранцев.

Выбор был не велик. Прислали троих. Но одного из них надо было направить в энергетический отсек – там изначально была нехватка экипажа. Второго забрал Капитан. Бу смотрел на единственного оставшегося в его распоряжении новобранца. В целом хорош, складен, чувствовалась военная выправка. Правда цвет его немного отдавал фиолетовым, но это ничего, главное, чтоб толковый был!

– Бу, – послал ему импульс Бу.

– Хэ, – принял Бу ответный импульс, – будем знакомы.

Не тратя время на дальнейшие любезности, коллеги поскользились в вотчину Бу – отсек с Кубом. Обмен импульсами начал набирать обороты. Бу и Хэ в кратчайшее время обменялись всей необходимой личной и технической информацией. Бу понял, что Хэ не новичок, устройство и принцип

работы Куба он знал. Так же он знал основы управления Кубом.

«Да-а, – подумал Бу, – повезло. Почти готовый помощник, а я переживал».

Проведя все же некоторое время рядом с Кубом совместно, Бу успел передать Хэ некоторые моменты по управлению Кубом, которые тот не знал. Хэ в свою очередь приятно удивил Бу, открыв ряд новшеств в Кубостроении, а также осветив перед Бу последние новости по обращению с Кубами. Между коллегами завязывалась дружба.

Куб был подготовлен к появлению новой инт. Настало время небольшого перерыва. Импульс Хэ с предложением относительно лема Бу направил без колебаний – новобранец был уже свой. Хэ с искренней благодарностью импульснул в ответ. Бу хозяйским жестом придвинул сосуд с лемом поближе к Хэ – угощайся. Хэ, аккуратно открыв крышку, погрузил средний фэнг в лем, медленно вытащил, с наслаждением принюхался и облизал фэнг. Следом за Хэ, процедуру повторил Бу. Коллеги наслаждались моментом – лем приятно согревал тело и расслаблял рецепторы.

Однако вечного счастья во Вселенной не бывает, и не успели коллеги совершить второй мак, как панель управления Куба замигала, передала предупреждающий импульс и автоматически перешла в режим приема.

Куб заполнился успокаивающим газом, напоминавшим водяной пар, и стал абсолютно непрозрачным.

Инт была внутри.

– С Прибытием, – передал импульс Бу.

Башка страшно болела. Не было видно ровным счетом ни хрена. Вокруг были стены – справа, слева, сзади, спереди. Хорошо хоть газом, который сначала казался отравой, можно было дышать, кажется, он даже немного успокаивал. Куб что ль какой-то? Стенки вроде прозрачные... Газ начал рассеиваться. Яркий свет начал меркнуть и становиться обычным, даже немного приглушенным. Мдя, а начиналось-то все так хорошо... солнечный свет, ощущения полета... Открывайте, еб вашу мать! Передняя дверь Куба открылась, и перед новоиспеченными друзьями Бу и Хэ, сделав три шага вперед и выбравшись из Куба, предстал Беляш.

– Какая странная инт, – передал Хэ импульс Бу. – Какая-то агрессивная.

Ответным импульсом Бу кратко ввел коллегу в курс событий. Дело в том, что из примерно сто пятьдесят тысяч инт, прибывающих с Ливы ежедневно в Куб, примерно тысяч семь прибывают из места, которое на Ливе называют Россией. Так вот, эти семь тысяч инт кардинально отличаются от всех остальных. Законы им не писаны. Как правило, они крайне агрессивны и труднообучаемы.

С ними очень тяжело общаться, и если ты все же начинаешь это делать, переубедить их в чем-то практически невозможно. Половина из них вообще буйные. Но с другой сторо-

ны, эти инт самые добрые, и их внутренний огонь горит ярче, чем у каких бы то ни было других. Вот такая вот загадка Вселенной.

Тем временем ходячая загадка вселенной, оглянувшись по сторонам, оценив обстановку Лоциуса, не отрываясь смотрела на Бу и Хэ.

– Яп-п-п-понский городской! – сказал Беляш с чувством. – Писец, допился. Прав был Тузик, нехрена было вообще эту Хеннеси трогать. Сначала показалось, что помер, глюки были, будто на небо улетаю, а сейчас вообще белка пришла.

Волнения Беляша были вполне объяснимы. Прямо перед ним, пристально глядя ему в глаза, стояли две огромные, в половину человеческого роста улитки, но, блядь, с руками, на каждой из которых было по три пальца. Отростки на головах улиток, заканчивавшиеся огромными глазами, зашевелились, те, которые были по краям, продолжили смотреть на Беляша, а те, которые были посередине между улитками, повернулись друг к другу. Некоторое время улитки так и смотрели друг на друга одним глазом, а вторым – на Беляша. Наконец одна из улиток развернулась, а вторая направила на Беляша оба глаза.

– Беляшов Николай Сергеевич, 1980 года рождения, проживает – город Москва, теплотрасса на улице Подольских Курсантов, место номер 24, – услышал Беляш приятный голос в своей голове.

Улитка на мгновение отвернула голову назад в ту сторону, куда уползла вторая, и тут же повернула обратно с целью рассмотреть Беляша повнимательнее, но потерпела в этом деле фиаско – Беляш грохнулся в обморок.

Бу и Хэ оказались в общем-то неплохими ребятами. Беляш убедился в этом сам, как только очнулся после обморока, вызванного первым знакомством с новоприобретенными друзьями.

– Ты, Коля, не волнуйся, – успокаивал его Бу. – Пока ты был без сознания, я тебе вживил чип-ретранслятор, теперь мы с тобой можем общаться и без слов: ты просто думай, что хочешь сказать, а я услышу!

– Ну вот, – пробурчал Беляш, – везде эта чипизация, нигде не скрыться – ни на Земле, ни на небе, обязательно догонят и вживят чип прямо в жо...

– Ну зачем ты так? – Бу казался расстроенным. – Я же для тебя старался. Просто ваша цивилизация утратила возможность общаться импульсами, вот я и помог тебе немного. И никакой это не чип, обыкновенный переводчик.

– Ну если обыкновенный, тогда ладно, – ответил Беляш. – А вы точно не галлюцинация?

– Мы реальность, Коля, такая же реальность, как и твоя жизнь на Ливе.

– Где жизнь? – не понял Беляш.

– На Ливе, вы ее Землей называете. Пойдем, покажу.

Бу импульсом дал сигнал на открытие защитных экранов в отсеке Куба. Экраны плавно поднялись вверх. За ними оказалась конструкция, напоминающая панорамное стекло. Длина стекла была метров двадцать, высота метра четыре.

«Огромное окошко», – подумал Беляш, но тут же замер. За окном он увидел Землю, как будто из окна международной космической станции. Беляш там ни разу в жизни не был, но помнил еще во времена своей юности передачу Нэшнл Географик про космос. Во всяком случае орбита была похожа. Огромные голубые поля-океаны проплывали под ногами у Беляша, чередуясь с полосами коричнево-бурой земли с отчетливо видневшимися горами. Сверху все это великолепие было затянуто облаками. Беляш не мог оторвать взгляд от окна.

– А вы что же, получается, инопланетяне? – Спросил он, подав импульс одновременно Бу и Хэ.

– Не совсем, Коля, – ответил Бу. – Строго говоря, инопланетяне на Ливе это как раз вы. Мы-то были здесь задолго до этого эксперимента с так называемым человечеством. Да, Коля, не удивляйся, вы – эксперимент. И, судя по последствиям, не совсем удачный.

– Это почему же так? – спросил Беляш.

– А потому, Коля, что вместо того, чтобы учиться, познавать Вселенную, путешествовать в другие миры, вы заняты бесконечным дележом территорий и ресурсов. Вы даже о своей собственной безопасности не можете позаботить-

ся. Насоздавали оружия, которое может уничтожить вас всех разом, но вы не понимаете сути вещей, вы не понимаете, что ваша инт, душа, как вы ее называете, она сама по себе является грозным оружием. Ты вот, Коля, знал об этом, знаешь, что такое душа?

– Ну-у-у, – замычал Беляш, – ну это... ну как его... ну внутри что-то такое, болит иногда...

– Ваша инт, Коля, это чистая энергия. А теперь представь, каждый день на Ливе переходят (умирают, по-вашему) примерно сто пятьдесят – сто шестьдесят тысяч инт, высвобождается огромное количество энергии. А ты знаешь, Коля, еще какой-нибудь процесс, при котором высвобождается энергия? – с иронией подал Беляшу импульс Бу.

– Знаю, – ответил Беляш очень тихо, – ядерный взрыв...

– Да, Коля... Правда ради приличия надо сказать, что некоторые из вас суть Вселенной поняли, – продолжил Бу. – Тесла, например. Он знал и использовал в своих работах энергоинформационное поле Вселенной и про энергию Ливы, Земли то есть, по-вашему, тоже знал. Но он не знал, например, что энергетическая емкость Земли конечна. И огромное количество высвободившихся инт переполняют ее, и дальше произойдет то, что ты, Коля, и озвучил.

Поэтому, Коля, мы и установили Лоциус – это наш корабль, где ты сейчас находишься – на орбиту, поэтому и подключили Куб – приемо-передатчик ваших инт.

– Ну то что «приемо», это понятно, – сказал Беляш, огля-

девшись, – а «передатчик»-то куда?

– Ты так до сих пор и не понял? – Бу рассмеялся. – Обрат-
но, Коля, на Ливу... на Землю то есть. Куб – совершенная
машина, суперкомпьютер. Он вообще может в автономном
режиме принять инту, очистить ее, и передать новому вла-
дельцу, аккуратнейшим образом инсталлировав. Ну, в об-
щем, долго рассказывать, да и ни к чему тебе такие знания.
Меня другое сейчас занимает... Куб обычно действует ав-
тономно, а в твоём случае, Коля, что-то пошло не так. Куб
выпустил тебя. Значит, он рассчитал, что так будет полез-
нее для человечества, если ты здесь на Лоциусе получишь
какую-то информацию или навык... Куб никогда не делает
ничего просто так, его ядро способно просчитать триллио-
ны различных комбинаций событий на несколько сотен лет
вперед. Куб запрограммирован на добро и справедливость,
поэтому он всеми силами старается направить ход событий
в это русло.

«Добро и справедливость, – подумал Беляш. – Проходи-
ли, помню... Это как раз именно то, чего в России нету. Ну
ладно», – вздохнул он, хоть не одни они с Тузиком об этом
думают. Вон даже на самом верху этой проблемой озабоче-
ны...

– Так, джентльмены, стоп, погодите, – Беляш замахал ру-
ками, – у меня сейчас мозг взорвется, надо перерыв сделать!

– Прости, Николай, – Бу заволновался, – для твоей толь-
ко что перешедшей инт такие знания действительно эмоцио-

нально тяжелы. Я должен был сам догадаться, что тебе необходим отдых! Прошу, пойдём со мной, я отведу тебя в отсек сна, там ты сможешь послушать музыку дальнего космоса и как следует выспаться.

– Да я вроде как спать-то не хочу, – ответил Беляш, – а эмоциональное напряжение у нас по-другому снимают...

– По-другому это как, – поинтересовался молчавший до этого Хэ.

– Ну как вам объяснить-то...

Беляш начал поиски в отсеке Куба... Ничего напоминающего бар или холодильник в отсеке не было. Беляш начал приглядываться к механизмам в отсеке – эх, понять бы, есть ли в каком-то из механизмов в качестве рабочей жидкости тормозуха! Но поиски Беляша остановились быстро и внезапно. Как это обычно бывает в жизни, то, что ты ищешь, оказывается прямо у тебя перед носом, а ты уже успел перерыть все, что только можно и навести бардак... Прямо на столе, призывно маня красным сиянием, на Беляша смотрела едва початая бутылка с лемом.

– О! – Беляш оживился, – таки нашел, бинго!

Открутив крышку (жизнь все-таки была хорошим учителем), Беляш понюхал содержимое. Сивухами, метилами и прочими гадостями не пахло. Запах был странным. Беляш помнил его еще по прошлой жизни, когда работал в Холдинге. Так пахли духи Шанель Коко молодой девчонки Насти, работавшей у них администратором. «Ну что ж, – подумал

Беляш, – не самый плохой аромат...»

Он вопросительно посмотрел на Бу – как, можно?

Бу одобрительно заурчал: в снятии напряжения парой-тройкой маков замечательного лема он не видел ничего плохого. Беляш огляделся, стаканов нигде не было видно.

– Д-а-а-а, Коля, в этом смысле ваша цивилизация тоже еще не доросла до понимания процессов, – послал импульс Бу, – смотри как надо!

Бу аккуратно взял сосуд с лемом из рук Беляша, погрузил в горлышко средний палец – тот полностью окунулся в лем – медленно вытащил и с большим наслаждением облизал. Дальше он передал сосуд Хэ, и тот с видимым удовольствием проделал то же самое.

– Эх, – произнес Беляш, – а еще высокоразвитые... А пальцами по бутылкам лазают. Есть же правило – яйцами и пальцами в солонку не лезь! Ну что за люди такие? Хотя какие ж они люди... Ладно, Беляш уже наметил план действий.

Рядом с окном на прозрачной, словно из стекла, полке стояли несколько таких же прозрачных горшочков, напоминавших известные в свое время в России медицинские банки, применявшиеся гражданами к месту и не к месту для якобы лечения заболеваний органов грудной клетки при простуде. Хотя никакой научной базы под использованием столь экзотичного вида лечения не было, да и эффективность его была сомнительна, народ упорно продолжал их использовать хотя бы в порыве отчаяния – медицинская по-

мощь в России уже тогда оставляла желать лучшего, а принцип «помоги себе сам» позже лег в основу государственной программы «Доступная медицина». На Лоциусе банки представляли собой элемент декора, применять их в практическом смысле высокоразвитая цивилизация не додумалась.

Беляш выбрал из нескольких банок три, наиболее подходящих по его мнению, и вернулся к друзьям.

– Вот, – озвучил Беляш, – сейчас я вас тоже кое-чему научу. Хватайте посуду!

Раздав Бу и Хэ каждому по банке и взяв себе третью, Беляш с нетерпением разлил лем по сосудам.

– Ну, – Беляш поднял свою банку, – за Добро и Справедливость во всей Вселенной!

Беляш залпом выпил лем.

По вкусу он напоминал хороший портвейн, но чуть крепче обычного, примерно двадцать три – двадцать четыре процента. Закуски, судя по всему, у них тут нет... Беляш нашел выход из ситуации: подойдя к Кубу, он через открытую дверь занюхал остатками успокаивающего газа. Кайф! Настроение у Беляша резко повысилось.

– Давайте, давайте, ребята, не тяните резину – обратился он к друзьям.

Бу и Хэ переглянулись. Обижать Колю и говорить, что лем так не употребляют, им не хотелось. Да и его слова про добро и справедливость были хороши, в духе инты, понявшей Вселенную.

Первым решился Хэ: по примеру Беляша он разом влил в себя напиток и поднял глаза вверх, ожидая эффекта.

Бу тоже выпил свою порцию, но не быстро, а потихоньку, с опаской, одним глазом поглядывая на Хэ, а вторым пытаюсь заглянуть на дно банки.

– Хорошо, хорошо же ведь! – Сказал Беляш и начал осматриваться по сторонам: должен же у них быть какой-нибудь музыкальный центр или что-то вроде того...

Музыкального центра в привычном Беляшу понимании на Лоциусе не было. Но было нечто, напоминающее западные продвинутые системы типа «Умный дом», о которых Беляш слышал во времена работы в Холдинге, но, очевидно, гораздо совершеннее. Система начала считывать импульсы Беляша. Определив, что он хочет повеселиться, система отреагировала. Весь отсек Куба заполнился какими-то омерзительными звуками, вроде тех, которые издает кусок пенопласта, которым очумелые дети так любят елозить по стеклу. Беляш поморщился. Если это и есть «музыка дальнего космоса», то пошла-ка она куда подальше, какая б ни была «возвышенная» и «высокодуховная». Система поняла, что Беляш недоволен, и музыка прекратилась. Вместо этого в отсек тихо влетел робот – часть системы управления – и начал сканировать Беляша. Закончив, робот одобрительно зажужжал, подгружая данные в систему, после чего так же бесшумно вылетел из отсека. Система же, проанализировав полученную от Беляша информацию, архивировав огромное ко-

личество видео- и аудиоинформации, выбрала трек на основании предпочтений Беляша.

– Ну что, друзья, продолжим? – Беляш повернулся к Бу и Хэ. В это время зазвучала композиция группы «Сектор Газа» под названием «30 лет».

Перемена в «друзьях» была очевидна. Бу и Хэ совершенно фиолетового цвета, расплывались в идиотских улыбках. Музыка им нравилась, новый способ употребления лема, очевидно, тоже.

– Давай еще, Коля, – сказал Бу, – мне так хорошо последний раз было... никогда, – добавил он радостно.

После этих слов Бу аккуратно, двумя пальцами – левым и средним, взял стакан с лемом, посмотрел сквозь него на свет и также аккуратно начал переливать его в себя, при этом правый палец – крайний, который у людей называется мизинцем, сам рефлекторно поднялся вверх... Один глаз Бу при этом смотрел вправо и вверх по направлению к Беляшу, а второй влево и вниз. Хэ же одним глазом разглядывал пол Лоциуса, а вторым потолок, но также был согласен с Бу относительно продолжения банкета. И банкет продолжился! Только наливать Беляш стал несколько по-другому – друзьям все-таки поменьше, себе соответственно побольше.

Снятие эмоционального напряжения было в самом разгаре, когда Хэ не выдержал. Опрокинув в себя очередной стакан лема, он охнул, икнул и завалился на правый бок.

– Э-э-э, не спать в отсеке Куба, – цыкнул на него Бу. –

Ползи в отсек для сна и включи себе музыку. Только Сектор не врубай, а то на тебя посмотреть весь Лоциус сбежится.

Хэ принял напутствие и медленно, оставляя за собой тягучий прозрачный след, поплелся в отсек сна.

– Молодой еще, – глядя ему вслед, сказал Бу, – учить и учить... А ты знаешь, Коля, я вот тут все над твоими словами думаю.

– Над какими именно? – уточнил Беляш.

– Ну что в России, там, где ты жил, нет ни добра, ни справедливости. Расскажи мне, пожалуйста, а как же там тогда люди-то живут?

В голове Бу не укладывалось, как живое и разумное существо может выжить и без того, и без другого. Нет, конечно, он знал историю человечества и понимал, что существует власть, иерархия. Существуют низы общества и существуют так называемые верхи – что вообще-то тоже для высокоразвитого сознания Бу было дико. Ведь тяга к справедливости и добру – это базовая потребность любой инты, абсолютно любой. Так как же появились сущности, сумевшие искоренить в своей инте эти основы? На самом деле Бу давно знал, что у инт, прибывающих оттуда же, откуда прибыл Коля, существует какой-то перекосяк в системе базовых ценностей. Не у всех, конечно, но у многих. Но обсудить этот парадокс раньше было просто не с кем.

– Так как, Коля, расскажи, – попросил Бу, – как вы с этим живете?

– Ну-у-у, – Беляш на мгновение задумался... – А нас как-то особенно и не спрашивают. Жизнь в России уже давно разделилась на тех, кто сверху, и тех, кто снизу. Верхи не знают и знать не хотят, как живут внизу. Для них главным приоритетом в жизни стало сохранение и преумножение собственного богатства. Но и это еще не самое страшное. Ужас в том, что руководит этим существо, которое не то что мнение окружающих в порошок стереть может, но и жизни лишить, при этом даже не поперхнувшись. Для этого существа вообще приоритет один – его собственная жизнь, и ради этого он готов уничтожить хоть вообще все жизни в мире. Ты представляешь, до чего додумался – с помощью ученых вживил себе имплант, который может мгновенно соединять артерии, спинной мозг, кости, и теперь просто вкручивает свою голову (не сам, конечно, с помощью нейрохирурга) в новое тело и хорошо себя при этом чувствует. Теперь ни болезни, ни смерть ему не грозят. Так вот Бу, – продолжил Беляш, – откуда в такой стране, которой Франкенштейн управляет, откуда там добро и справедливость-то возьмутся?

– Ну, я тебя немного не об этом спрашивал, – сказал Бу. – В обществе, в котором есть такое колоссальное социальное неравенство, во главе, как правило, стоит маньяк. Это можно посмотреть на примере многих цивилизаций – исчезнувших уже или еще живых... Я спросил, как люди-то с этим живут. Неужели никто не сопротивляется?

– Есть и такие, – ответил Беляш, – но их мало, и участь

их, как правило, незавидна.

«Интересно, – подумал Беляш, – как рассказать высоко-развитому существу про нашу систему внутренних дел: про автозаки, каталажки, камеры предварительного и окончательного заключения, суды в ста процентах случаев выносящие один приговор – виновен, про систему исполнения наказаний, про тюрьмы и лагеря, про пытки и издевательства... нет, – решил Беляш, – углубляться не буду. Высокоразвитое сознание Бу этому просто не поверит».

– А в остальном, как обычно, народ костерит верхи на чем свет стоит и травит про них анекдоты. Кстати, из последнего: ты знаешь, когда наш Главный по заботе все-таки сдохнет, ему поставят памятник тоже с откручивающейся башкой... А знаешь для чего? Для того, чтобы когда новый Главный придет, поправит нами и потом тоже подохнет, второй памятник не отливать – открутил старую башку, прикрутил новую и дело в шляпе! Юмор, Бу, – сказал Беляш, – единственное, что позволяет выживать... Ну и это, конечно, тоже – Беляш поднял банку с лемом. – Давай, Бу, твое здоровье!

С последней банки Бу основательно развезло. Отростки с глазами у него начали жить своей жизнью. То они принимались смотреть друг на друга, то вдруг вообще начинали смотреть в разные стороны, то один глаз пристально оглядывал Беляша, а второй емкость с лемом.

– А ты знаешь, Вася, – сказал он, обращаясь к Беляшу, – вы ведь не одиноки в своих страданиях. Я же тебе говорил

про другие цивилизации... Так вот, когда я был помоложе, лет на пятьсот, я служил на корабле Торн, который так же как Лоциус нес в себе Куб. А принимал этот куб инты с планеты Мия. Она очень похожа на Землю, только может быть немного постарше. И инты Мии были поразительно похожи на ваши. И однажды, так же как и с тобой, Куб выпустил инту. И мне удалось с ней поговорить...

– Вообще-то я Николай, – уточнил на всякий случай Беляш...

– Да, – мысль Бу прервалась – А мое имя Бу. Очень, очень рад знакомству!.. Хр-р-р-р... пш-ш-ш-ш...

– Бу, какое знакомство? – закричал Беляш, – это же я, Коля! Ты мне только что про Мию рассказывал! Не засыпай!

– А... – очнулся Бу, – не сплю, не сплю!.. Так вот, от того, что та инта мне рассказала, у меня буквально глаза становились дыбом. Тотальный контроль, такой же маньяк во главе, как и у вас. Но!.. Самое поразительное – это то, что все довольны своей жизнью, всем все нравится!

– Не может быть! – вырвалось у Беляша. – Как может нравиться рабство?

– Не знаю, Вася, не знаю... хр-р-р... пш-ш-ш... Я тебе разговор... пш-ш-ш... передал как есть... Куб потом эту инту позвал и... пш-ш-ш... отправил обратно... Хр-р-р... Больше я ее не встречал... пш-ш-ш...

– Бу, что это? – Беляш отчаянно тряс Бу за руки, но глаза Бу были закрыты. Куб слал импульсы предупреждения один

за другим. Свет внутри куба из светло-золотого вдруг стал ярко-красным. – Бу, очнись! – Беляш в отчаянии отпустил руки Бу, схватил его за отростки глаз и начал их трясти. – Просыпайся, Бу, просыпайся, с Кубом что-то не то!

Бу медленно открыл глаза. Импульсы Куба были настолько сильными, что Бу начал быстро приходить в чувство.

Но физиология подводила, глаза у него опять разъехались в разные стороны.

– На меня, смотри, на меня, – Беляш собрал оба отростка Бу в кучу, таким образом, чтобы глаза Бу смотрели прямо на него. – Что с Кубом, Бу?

– Ничего особенного, Вася. Куб просчитал ситуацию и понял, что ты здесь получил все, что тебе было нужно, и ждет тебя для отправки домой.

– А-а-а-а, домой... Реинкарнация, – сказал Беляш. – Значит, опять туда же, да? Значит, опять все заново? И никакой надежды? Опять пенсионные наборы, «Доступная медицина», опять теплотрасса? Почему так, Бу? Почему нельзя все изменить? Ладно вы, высокоразвитые, пачкаться не хотите, но есть я! Я могу все изменить! Я не хочу, как на Мие! Я-я-я не хочу-у-у, как на Мие-е-е!

– Нет, Коля, пора. Мы проводники, стражи инт и менять их судьбу и предназначение мы не имеем права. – Бу удалось наконец сфокусировать оба глаза на Беляше. – Прости, Вася, и прощай.

Импульс, поданный Бу в сторону Беляша, был нов и агрес-

сивен. Беляша подняло вверх на полметра и появилось ощущение скованности. Такое чувство, как будто все тело замотали стрейч-пленкой, ни руками, ни ногами пошевелить возможности не было. В этом состоянии тело Беляша, как связанное, медленно поплыло по отсеку и закончило свой полет в Кубе, пролетев сквозь проем открытой двери и мягко приземлившись на пол.

Дверь Куба медленно закрылась. Свет из ярко-красного вновь стал светло-золотым и заметно прибавил яркости. Внутреннее пространство Куба начало заполняться успокаивающим газом. Беляш вновь почувствовал ощущение полета и того, что его ждут.

Тем временем Бу пытался сфокусироваться на панели управления Кубом.

– Ща-а-а, все сделаем! – Выпитый с Беляшом лем вселял в Бу оптимизм. Уверенным жестом Бу отключил автоматику Куба. – Сам справлюсь! Та-а-ак, Вася прибыл с Ливы, из сентября 2042 года... Или он не Вася... – Бу мучительно задумался. – Он Коля, – вдруг вспомнил Бу... – Но откуда? – Память опять подводила. – Ко-о-оля с-с-с-с... Ко-о-о-оля-ля с-с-с-с-с... Мия! Он же сам только что сказал Мия.

Бу успокоился... «Уф-ф-ф-ф... это ж надо, столько веков работаю, никогда не ошибался... А тут расслабился, поддался очарованию этой инт, и на тебе, чуть было не совершил ошибку позиционирования. Ну хорошо, что все в конце концов выяснилось!» Данные в Куб Бу занес молниеносно – ска-

зывалась многовековая подготовка.

Все было готово, и Бу, не колеблясь ни секунды, нажал на сенсорной панели стрелку вектора. Раздался негромкий писк панели управления Куба, после чего прозвучал щелчок и свет в Кубе потух на пару секунд, но тут же включился вновь, став из яркого светло-золотого обычным приглушенным белым. Включились нейтрализаторы успокаивающего газа. Медленно открылась дверь. Куб был пуст.

– Ну вот и все, – подумал Бу. – Хотя это было и непросто! Пожалуй, за все труды можно наградить себя еще одной баночкой лема.

Налив банку до краев, Бу взял ее всеми тремя пальцами, приподнял чуть выше головы, выдохнул, и сказав: «За тебя, Коля, не переживай, скоро дома будешь!» – решительно осушил банку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.